

Пятна

Художник Е. Станикова

— Вот здесь.

Водитель изображает небрежный кивок. Едва слышимый свист отъезжающей дверцы судорогой сводит лицо, и я неловко вываливаюсь из мобиля.

В затылке привычно ноет, отчего воздух отдает кислым. Пульсация удручает однообразием: полсекунды — всплеск боли и секунда блаженного покоя.

Большое пятно. Мощное.

Теперь мягкий щелчок; это водитель за моей спиной раскла-

дывает планшет. Он давно привык к странностям работы: беспрерывному хаотическому кружению над кварталами, внезапным остановкам и долгому ожиданию. У него красная шея с поперечной складкой и редкие белесые волосы. Я никогда не смотрел ему в лицо.

Прежний косился на меня, как на опасного сумасшедшего, и всегда переспрашивал, когда я требовал остановиться. Этот похож на биоробота, и непонятно, что хуже. При езде он включает музыку, от которой у меня дергается веко,

а когда мы останавливаемся, решает бесконечные японские кроссворды, где мешанина цветных квадратиков лепится в странную мозаику. Я ни разу не видел, чтобы он разгадал картинку до конца.

Иногда мне кажется: вот-вот увижу пятно воочию, как заштрихованные клеточки в кроссворде. Увы. Все, что мне дано, — это боль, пульсирующая в такт неслышимой мне музыке озарений. Полсекунды маленького ада, затем секунда кажущегося облегчения. И так восемь лет.

И девяносто семь пятен, между прочим...

Обхожу по периметру. На границе мозг будто выворачивается наизнанку. Дикое ощущение, но после ноющей боли — что-то, несомненно, приятное. Пульсация снаружи, странное подвигание на грани и ровный болевой фон внутри — вот весь набор моих инструментов. Ну и приборчик, фиксирующий координаты. Точность — полметра.

Уши закладывает, как в скоростном лифте, — значит, пятно типа «табула раза». Смагиваю слезы, щурюсь на пожелтые травинки, льнущие к ботинкам, делаю еще шаг, еще. Интересно, что построит здесь «Брайнворлд»? Очередной исследовательский комплекс или школу для вундеркиндов?

Выжатый досуха, на трясущихся ногах возвращаюсь к прозрачной капле мобилы:

— Домой!

Водитель складывает планшет. Хочется рассказать ему, как мне плохо, все хуже и хуже, я устал, потому что мне уже много лет и пятна выедают меня изнутри. Но его затылок вежливо-равнодушен, и я молчу.

Боль отпускает сразу, стоит отъехать метров на пятьсот. И кажется, я уже засыпаю.

Это только потом понимаешь: ты был счастлив.

Да, именно был — то есть в прошедшем времени. Была жена, преуспевающая в жизни; была дочь Дениза, неожиданно превратившаяся из костлявой девчонки с зелеными дредами в самоуверенную молодую женщину, которая снисходительно поглядывает на недотепу-отца. Я с удивлением обнаружил, что она окончила университет, теперь — подающий надежды химик, и ее жалованье раз в пять превышает мое.

Еще была работа в автомастерской, но это как-то скользило мимо сознания. Была пара приятелей, вечера с дешевым вином и шоу по визору; были книжки в бумажных обложках и белые цветы, выросшие прямо у тротуара.

И были частые головные боли, с которыми не могли справиться выписанные мне анальгетики. Просто вдруг начинал пульсировать нить затылок, словно в нем завелся кариесный зуб. Боль могла настигнуть, когда я летел в аэролайне, ехал на машине или шел пешком, но никогда — дома или на работе.

Я к ней привык, как привыкают к отсутствию пальца или глухоте: иногда раздражает, но в целом терпимо. Но однажды Тель затащил меня в ту забегаловку...

Тель. Он работал в шоу-студии: мелкая сошка — подай, принеси. Познакомились мы с ним странно: пьяный Тель стоял

посреди улицы и читал стихи. Прохожие смеялись, а он думал, что это проявление симпатии, и весь лучился им навстречу. Всегда был идеалистом.

Я довел его до дома и уложил отсыпаться на продавленный диван. Через два дня он затащил меня в кафе — отблагодарить. Юлиус Тель, так его звали; он всегда торопился отблагодарить тебя еще раньше, чем ты успевал ему что-то сделать. А кафе называлось «Вишня», и я до сих пор помню коричневую вывеску с обугленным краем: то ли вандалы постарались, то ли сам хозяин для пущей оригинальности.

Еще на подходе меня начала мучить головная боль. А прямо перед столиком я в первый раз ощутил это чувство: будто голова раздувается, как воздушный шар, и мозги — куда-то в космос. Тель потом говорил, что я побелел, застыл с разинутым ртом и упал.

Теперь уже ему вести пришлось меня до дома. Ну я ему и рассказал про эти головные боли, когда в себя пришел и выпил коньяку.

А на следующий день он приходит радостный.

— Знаешь, — говорит, — мне пришла в голову интересная идея...

Мы с ним ходили по городу и искали пятна. Нашли три штуки, в одном я опять чуть не отключился, Тель меня вытащил. Это после я привык, приспособился, что ли.

Потом он мне рассказывал, будто бы в пятнах я напрямую подключаюсь к... божественной сущности, вроде как-то так. Тель ее называл «структура мирового разума». И если меня в таких местах держать, то я могу сделать великое открытие.

Только все оказалось наоборот. Открытия делали другие, а я эти пятна лишь чуял.

Думаю, Тель заблуждался. Дело не в мировом разуме — просто в пятнах мозги начинают работать по-другому. Например, Телю, когда он в пятне, приходили идеи для его книжек. Да, он книжки писать начал, и тоже все про божественную сущность. Как, скажем, герой со сломанными ногами попадает на скалистый остров и там познает себя, а потом ему открывается мировой разум. А другие люди сочиняли шуточки для газет, песенки всякие дурацкие для девчонок с вертлявыми попками. Или правда открытия делали, но это уже потом было, позже. А пока Тель сказал:

— Старик, на этом ты можешь заработать хорошие деньги!

Я только посмеялся. В тот год по визору как раз показывали шоу предсказателя из Лиона — забыл, как его звали. Наверное, поэтому и решил, что Тель имеет в виду выступления, спектакли. Но он имел в виду «Брайнворлд».

Теперь я думаю: что, если бы Тель оказался не так благодарен и не так щедр? Если бы он потихоньку пользовался моим даром и не стремился устраивать мои дела? По визору его, правда, не показывали, но книжки в мягких обложках с его фамилией продавали в каждом магазине, и, насколько я знаю, он оставил сыновьям неплохое наследство.

Через три года Тель погиб. Попал в аварию на собственном аэролайне; говорили, был пьян вдребезги и что-то кричал про обрезанные крылья. А перед тем...

Перед тем он меня уговорил-таки. Как раз пришло ваше письмо — на индивидуальной планшете, все в печатях; хотелось вымыть руки, прежде чем идентифицироваться. Тель сказал:

— Старик, ты открываешь человечеству новый век. Представляешь, каждый сможет сделать открытие! То, что я пишу, — ерунда, чушь, но ты только вообрази миллионы гениальных художников, изобретателей, артистов. Лет через десять мы сможем жить вечно!

Он был добрый малый, Тель.

Здание «Брайнворлда», отливая сталью, торчало посреди пло-

щади. Вместо швейцара — робот, издевательски одетый в ливрею; охраны нет вовсе, а вместо конторки — во всю стену экран информатора. Мне показалось, я попал внутрь гигантского механизма.

Вы ведь помните, как мы встретились в первый раз, господин Грегориус? Я-то хорошо запомнил и огромный кабинет, в котором окна с видом на облака, и этот ваш живой ковер с моргающими глазами — мне было бы жутко наступить на них, а вы ходили прямо по разноцветным радужкам. Ну и ваше жесткое лицо. У меня что-то холодное ворочалось внутри. Некое предчувствие? Нет, я просто робел.

Вы говорили:

— Ваша способность чувствовать места, где гипертрофируется подсознательная функция мозга, довольно интересна. Вы не будете возражать, если мы проведем несколько экспериментов?..

Тогда всего за неделю мы зафиксировали шесть пятен, пока я не попал в больницу с нервным истощением. Пятна меня высасали, заразы! Я же их собственным нутром обнаруживаю. Это уже после вы тщательно следили, чтоб я не переутомлялся.

Да нет, здорово было: карты составлять и пятна делить по группам, а они, оказывается, тоже разные бывают. В тех, что «табула раза», лучше делать всякие научные открытия, на них ученые хорошо реагируют. А те, что «второй подтип», — это для художников, писателей, шоуменов всяких; их еще иногда называли «лужами» или «помойками», но между собой, чтоб никто не обижался. На чистом планшете внятнее ученые думают, а на замызганном — писатели, так уж по статистике выходило. А в принципе по-всякому бывает. Тель, например, тоже в «табула раза» идеи придумывал.

И я их по-разному чувствую: на первом подтипе уши закладывает, на втором — дрожь пробирает, аж зубы стучат. Даже смешно бывало: надо координаты фиксировать, а руки трясутся — в кнопку не попасть. Я целый год поэтому с ассистентом ездил, только потом полегче стало.

Так приятно было по городу ходить и смотреть на те центры, что «Брайнворлд» открывал в пятнах. Смотришь и думаешь: вот сидят люди, изобретают нужные вещи, а если бы не ты, может быть, им бы и в голову все это не пришло...

Знаете, господин Грегориус, я верю, что вы тоже хотели как лучше. Наверное, такое во мне от Теля, но мне кажется, вы так и видели это «лучше» — открытия, исследовательские центры, которые построили на пятнах. Вы ведь не только ради денег, правда?

Мы с самого начала скрывали, что я ищу пятна. У меня должность была — старший менеджер по территории; понимай как хочешь. Это вы из-за конкурентов, конечно. Целую теорию придумали: дескать, мы специальное поле устанавливаем на здание, поэтому такой высокий кпд творческой деятельности.

А я не возражал. Много ли мне было надо? Я жил один. Иногда Дениза в гости приезжала. Теперь у меня всегда находилось, что на стол поставить, и в доме чисто — приходящая домработница старалась. Иногда хотел дочку про мать спросить, но каждый раз пугался чего-то. Как представлю, что она на меня глянет этак свысока, с ненастоящей улыбочкой... Да нет, она хорошая девочка, моя Дениза. Ей с кавалерами не везло постоянно: они все были с сальными волосами и так скупо цедили слова, будто боялись выпустить изо рта солитера. Наверное, я говорю, как старик, но мне кажется, если мужчина живет на деньги жены, он не должен относиться к ней так брезгливо.

Бедная моя девочка. Я ведь ничего не подозревал!

Я жил себе потихоньку: ездил с водителем по пригородам (это был еще тот, прежний водитель), иногда фиксировал но-

вое пятно и тогда неделю отдыхал, как мне велел врач. «Брайнворлд» строил гигантский развлекательный комплекс, где специальный флигель предназначался всяким художникам и композиторам — для вдохновения. Это пятно было самым крупным в городе.

Дениза иногда позванивала, голос у нее был усталым, но я полагал, что она рассталась с очередным сальным дружкой, и тихо надеялся, что следующий будет попримичнее. Удивительно, как женщины из раза в раз влюбляются в одинаковых — одинаково мерзких мужчин!

— Как ты, пап?

— Работаю... А ты?

— Нормально. Как всегда.

— Ты здорова? Что-то голос уставший.

— Да нет, нормально. Ну ладно, пока.

Вот и весь разговор.

Я ей не говорил, что чую пятна. Я вообще ей о пятнах не говорил... до того. А после было уже поздно и невыносимо стыдно: ведь я, выходит, своими руками ей такое устроил.

Да, не догадывался, хотя мог бы, мог! Ведь знал, что она тоже по науке работает. Правда, думал, она так, всего лишь ассистент или лаборант. Наверное, в это трудно поверить: твой ребенок уже настолько умен, что ты даже не можешь понять, чем он занимается...

Когда позвонили из больницы, я как раз отдыхал — валялся на диване и пялился в потолок. Екнуло только, когда на «ответ» жал. До этого — никакого предчувствия.

Почему в больницах все такого неживого цвета? Почему они так любят холодную белизну и мертвенную синеву — почему не желтый, оранжевый, пусть даже розовый?..

Дениза жалко улыбается мне. Ее лицо среди белых подушек кажется маленьким, словно ей опять десять лет, — сейчас она приложит палец к губам: «Тс-с, только маме не говори, это будет наш секрет». Лучше бы она плакала.

— Папка, — начинает она с обычной снисходительностью, но срывается, и глаза мгновенно наполняются слезами. У меня перехватывает горло.

— Маленькая моя девочка! Что они сделали с тобой?

Дениза мотает головой, глубоко дышит. Да, она всегда старалась быть самостоятельной, сильной. На худой шее пульсирует жилка.

— Папка, я больше не могу думать. Ты не понимаешь? Не понимаешь... Я не могу сосредотачиваться на чем-то, совсем не могу! Проверить счет, письмо написать — да, но когда пытаюсь думать о по-настоящему сложном, то все плывет, голова болит. Работать не могу — падаю в обморок. — Она нервно смеется. — Ужасно.

У нее дрожит нижняя губа. Это невыносимо!

— Они молчат, но нас уже человек тридцать, я слышала. Они говорят, это феномен, новое заболевание: синдром кого-то-там... Только знаешь, я уверена, это все — после того поля в «Витасфере».

У меня в груди пустота.

— В «Витасфере»?

— Я там проработала всего пять недель. Черт, догадаться бы сразу, что такие деньги не за просто так!

— Ты работала в «Витасфере»? В лаборатории «Витасфера»? — Я чувствую, что будто плыву. — Ты мне не говорила.

— Ну какая разница, где я работаю. В этом центре, в том... Они предлагали такие деньги! Перспективы! Лаборатория, знаешь, под этим колпаком, полем вдохновения, — ужасно глупо звучит. Но там действительно здорово работалось, голова такой ясной делалась, легкой! Уставала здорово, но ты не представляешь: такое невероятное ощущение, когда

чувствуешь каждую молекулу и заранее точно знаешь, в каком месте цепочки...

Она теряет мысль, переходит на шепот и продолжает, как в бреду:

— Наверное, они включили слишком большую интенсивность поля. Нет, глупости: это из-за тех психотропных — какой-нибудь не до конца исследованный образец. А сочетание лекарства с полем... — Я с ужасом вижу, как белеет ее лицо. — Папка, они же просто нас уничтожили, понимаешь?..

Мне понятно слишком многое и совсем ничего. Лабораторию «Витасфера» построил «Брайнворлд». Не самое большое пятно, но мощное: я после него дня два приходил в себя. И вот Дениза...

Но так не могло быть, не должно! Пятна несут вдохновение, они не зло. И в этом я боюсь усомниться, потому что Тель сознательно искал в пятнах озарение и погиб, вопя про обретенные крылья. Что я вообще знаю о природе этих самых пятен? Неужели они — род наркотика, дарящего эйфорию созидания, но разрушающего мозг? Или все дело в неведомом препарате, которым подстегивали мозг?

Мы говорили с тобой о прогрессе, Тель. Но я никогда не думал, что на этот алтарь попадет Дениза... Она плачет.

— Сильная моя девочка, умница! — бормочу я. — Наука жестока, и, даже если ученый спасает тысячи жизней, это не перевешивает...

— Жизней? Наука? — Она вдруг хохочет; на лице какая-то циничная гримаса. — Ты думаешь, мы там изобретали лекарство от рака, да? Средство от старости или маразма? Таблетки гениальности?

— Дениза...

— Мы делали, — тут она хихикает, — гормональную подтяжку. Для жирных задниц, понял!

Понял. Понял, что всю жизнь был элементарным идеалистом. Теперь Дениза почти кричит:

— Это, наверное, смешно... должно быть смешно, черт возьми! Мой мозг, как цена за чью-то задницу!

В двери появляется санитар с тревожным лицом. Меня выставляют в коридор, и вслед мне — отчаянный вопль:

— Мы просто расходный материал!..

Улицы мелькают перед глазами. Похоже, я говорю вслух — прохожие шарахаются от меня. Но если замолчать, то, да, не сойти бы с ума. Потому что мне страшно.

Ведь этот всплеск мысли, невероятные разработки в самых разных областях, все, о чем кричит реклама, — сколькими мозгами это оплачено?

Комнату медленно накрывает сумрак. Я долго сижу неподвижно, уставившись в пустой экран информатора. Без горя, без надежды, без мысли...

Когда приходит это сообщение, я заранее знаю, о чем оно.

«Папка, я уезжаю. Конечно, я сама виновата в том, что у меня все вышло так глупо. Слишком много хотела, наверное.

Уеду куда-нибудь подальше, сменю имя, найду дурацкую работу. Буду выращивать кабачки или разрисовывать толстощеких фарфоровых младенцев. Буду смотреть идиотские шоу и научусь готовить. Может быть, замуж выйду. В конце концов, многие вообще не думают, и им это нисколько не мешает в жизни.

Прости, я знаю, ты за меня переживаешь. Но я не дам тебе ни адреса, ни имени... пока. Когда все устроится, придет к какой-нибудь норме, напишу тебе и маме. Не беспокойся за меня.

Пока, Дениза».

Вот так, новое имя, новая жизнь. Мне кажется, я хороню маленькую Денизу. Отважная моя девочка, убегающая на край света за счастьем, так и не узнавшая, что я ее предал!..

Я все смотрел на эти ровные строчки, и постепенно они слились в странный японский кроссворд, где нужно было уловить одну мысль, всего одну, которая объяснит все.

И я ее уловил, уже когда луна мертвенно-бледным краем влезла в окно. Мысль очень простая и дурманящая вседозволенностью: я остался совсем один — и, значит, у меня развязаны руки.

Сидя на унитазе, я грыз пальцы, чтобы не захохотать в голос. Я чувствовал себя раковой клеткой, сознательно уничтожающей организм хозяина. И слышал, как там, за белой дверцей, затихает «Брайнворлд», словно засыпает до завтрашнего утра.

В тесной кабинке я мысленно рассказывал вам, господин Грегориус, свою жизнь, потому что мне хотелось оправдаться. Мне хотелось... и сейчас еще хочется верить: я делал все это ради того самого будущего, когда все будут жить вечно и каждый станет гением.

Но когда я замолкаю, то вспоминаю Денизу...

Мы с вами работали на прогресс, господин Грегориус. Конечно. Вот только это оказался не тот прогресс, о котором мечтал бедняга Тель.

Я стер с сервера «Брайнворлда» все данные о расположении новых пятен. Вы ведь всегда боялись сделать лишнюю копию этой секретнейшей информации. Не забавно ли, что до нее добрались не шпионы конкурентов, а единственный человек, на котором держалась ваша корпорация? Ваша мнительность, господин Грегориус, сыграла мне на руку.

Осталось только уничтожить мемочип — единственную копию. Мне хочется широкого жеста — например, распылить его в молекулярном заборнике или торжественно сжечь на символическом костре. Отправить в огонь восемь лет своей работы и ваши миллиарды.

Второе, несомненно, эффективней, но первое проще.

Может быть, моя способность чутко пятна вдохновения не так редка. Может быть, вскоре вы найдете нового разведчика, и «Брайнворлд» возродится позолоченным фениксом, чтобы снова осчастливливать человечество препаратами для гладкости лица и бездумности наслаждений.

Я мечтаю, чтобы он был не так слеп.

И пусть у него не будет дочери...

Мемочип отправляется в молекулярный заборник. Я медлю несколько секунд, прежде чем нажать на кнопку: я ведь уничтожаю не только ваши деньги, черт побери, — я уничтожаю восемь лет себя!

Белый кругляш утапливается под пальцем. Я представляю, что смываю с поверхности земли пятна озарений — одно за другим.

Но они, конечно, останутся. Кого-то снова и снова посетит вдохновение — бесплатно.

Я жалею лишь об одном, господин Грегориус. Что сейчас вас нет рядом и вы не видите, как ваше прибыльное будущее разлетается на молекулы.

